

Ермоленко О.В.**УДК: 821. 111-3. 09****«ИСТОРИОПИСАНИЕ» ИЛИ АВТОРСКАЯ МИФОЛОГИЗАЦИЯ
В РОМАНЕ ГОРА ВИДАЛА «БЭРР»**

Роман Гора Видала «Вице-президент Бэрр» (Burr, 1973) – произведение сложное как по содержанию, так и по форме, прочтение которого едва ли может быть однозначным, так же как и спорность не только некоторых авторских утверждений, но и мнений ряда отечественных и зарубежных критиков о самом романе. По мнению некоторых критиков, «Бэрр» – одно из самых значительных произведений не только в творчестве Видала, но и в американской литературе. Ряд западных обозревателей оценили роман как самый успешный и впечатляющий в его творчестве наравне с романами «Юлиан» и «Майрон», великолепно ожививший американское историческое прошлое; «написанный мастерски-элегантно», с умным, насмешливым взглядом за кадром, в котором «наши революционные мифы демифологизированы, а герои оказались в своих домашних тапочках» [8, p. 10-12]. По оценке А.М. Зверева, «более обличительного произведения в американской литературе 70-х гг., пожалуй, пока что не появилось [2, с. 207], как и в литературе последующих лет. На наш взгляд, показательным является и то, что этот роман был признан в США одним из десяти лучших произведений 1973 г. Говоря о резонансе, который имел «Бэрр», нельзя не заметить, что стоило романисту предложить издательствам следующий за «Бэрром» роман «1876», как издательство «Рэндом хауз» и «Баллантин букс» выплатили Видалу около миллиона долларов аванса. Клуб «Книга месяца» удвоил для писателя свой обычный гонорар, составляющий 85 тысяч долларов.

В результате своеобразного композиционного построения романа «Бэрр» и трактовки образа главного героя автором не только перед литераторами, но и перед историками предстал в высшей степени противоречивый и неожиданный образ А. Бэрра, его видение «штормовых лет» войны за независимость и основания Соединенных Штатов. Этот факт был рассмотрен многими как несомненный успех писателя в художественном отношении. Дело в том, что Бэрр, по воле Гора Видала, является представителем новейшей ревизионистской концепции, сложившейся в американской историографии в начале второй половины XX в., которая находилась намного ближе к исторической истине, чем елейные мифы о героическом прошлом страны, против которого выступали многие историки.

Документы, организующие структуру произведения, являются вымышленными. Гор Видал предпочитает вымышленный документ аутентичному несмотря на то, что он был максимально обеспечен историческими источниками. Существуют, как известно, и мемуары самого А. Бэрра, и мемуары об А. Бэрре. Тем не менее, Видал строит роман на дневниковых записях вымышленного персонажа Ч. Скайлера и выдуманных автором воспоминаниях и дневниках реального исторического лица Бэрра, основываясь на аутентичных документах, записках, дневниках, письмах, мемуарах. Приписанные Бэрру мемуары стилистически соответствуют как характеру и личности самого автора, так и духу времени (изящество XVIII в.). Безусловно, они играют важную роль в создании образа центрального героя произведения и являются основным средством выражения тех политических воззрений писателя, которые характерны для всего творчества Видала. Справедливо замечает исследовательница Т.Е. Комаровская: «Позиция Бэрра, выраженная в мемуарах, – это нередко позиция самого Видала. Она выражена, главным образом, через вымышленные мемуары Бэрра, которые вследствие специфики своей художественной формы вызывают большее доверие и сочувствие читателя, чем обычное повествование» [4, с. 164].

Линия Ч. Скайлера обеспечивает, в первую очередь, связь времён – настоящего, прошлого и будущего, ибо Видал стремится обозначить современные проблемы, используя не только собственно исторический, но и документальный материал, пусть даже фиктивный. Поэтому можно сказать, что роль, которую автор романа отводит Ч. Скайлеру, видится не столь второстепенной. Учтём, что Скайлер композиционно организует повествование: фиксирует события, комментирует их, а также является активным действующим лицом. Гор Видал представляет А. Бэрра сквозь призму собственных воззрений и воззрений Ч. Скайлера, который весьма субъективно (конечно, по воле автора) воспринимает личность А. Бэрра и остальных героев романа.

В связи с тем, что Гору Видалу удалось максимально приблизить друг к другу дневники Бэрра и Скайлера, всё романное повествование приобретает эмоционально-стилистическое единство. Так, фиктивный документ в «Бэрре» оказывается убедительнее документа подлинного. Что же касается непосредственно образа А. Бэрра, то он «представляет пример воплощения изменившихся принципов типизации в историческом романе XX века, когда, по мысли Д.В. Затонского, типичное для времени и эпохи начинают искать не в массовидном, а в характерном и оттого единичном, даже аутентичном, что вызывает переосмысление понятия «литературный тип». Сегодня – это зачастую не обобщённый образ, а образ исторический, наделённый типичными чертами». Правда, налицо и явный авторский вымысел «положительного» образа А. Бэрра. Видал явно нацелен на создание нового мифа о политике Бэрре и его соотечественниках, когда сакрализация Бэрра носит имплицитный характер. Заметим, что в создании писателем портрета Бэрра (аналогичным приёмом Видал пользуется в романах «Линкольн», «Юлиан») можно проследить элементы мифотворчества — идеализация героя, превознесение его подвигов (добрых дел), но эти тексты нельзя назвать прецедентными, поскольку в них представлен миф сегодняшнего дня, творимый для читателя и не успевший стать объектом апелляции. Писатель не только выдвигает на передний план определённые черты реального Бэрра, но и превращают его в символ американской жизни, наверняка, заметим, мифический, что делает его выразителем определённых сторон американской

действительности. Известно, что символ в своём генезисе связан с мифом, вырастает из него, миф уже содержится в символе (Вяч. Иванов), миф – динамический вид символа.

Противоречие, которое можно обнаружить в авторском послесловии к роману «Бэрр», наводит на рассуждения о том, в какой степени роман возможно считать, по мнению самого автора, «историописанием» или художественной выдумкой, мифологизацией истории, «историей или беллетристикой». Гор Видал послесловие к роману предваряет вопросом: «Почему исторический роман, а не история? Для меня привлекательность исторического романа в том, что можно быть скрупулёзным (или беззаботным), как историк, сохраняя за собой право не только перемещать события, но, что гораздо важнее, мотивировать поступки, а добросовестный историк никогда себе этого не позволит» [1, с. 518]. Далее автор говорит о том, что всё рассказанное в нём – история, а не выдумка: «Я истратил очень много лет на подготовку и сочинение «Бэрра» и старался держаться известных фактов» [1, с. 518].

Не углубляясь в проблему определения специфики исторического романа, которая выходит за рамки данного исследования, а тем более не преувеличивая сложности исследования особенностей исторического романа, несмотря на разноречивость мнений по данному вопросу, отметим основные характерные черты понятия «исторический роман». Так, например, Ю.М. Лотман рассматривал исторический роман как синтез двух противоположных способов осмысления жизни: в трактовке истории присутствует свобода вымысла, а вымысел получает у читателя ценность подлинного факта. Но «следствием творческой фантазии, художественного вымысла должно стать невольное обращение с историческими фактами или же замена уже установленных ранее исторических фактов, а более глубокое и ясное отражение действительности» [5, с. 86]. Не менее важной видится исследовательская функция автора исторического произведения, т. к. после анализа многочисленных документальных свидетельств писателю необходима «правильная» позиция и «верное» отражение исторической картины эпохи. Известным фактом является то, что Вальтера Скотта по праву считали «учителем историков», давшим новое освещение определенным историческим событиям, и его романы имели большое значение для развития исторической науки. Но даже насыщенность историческими образами, равно как документальная точность, не являются основными видовыми признаками исторического романа, считает исследователь А.С. Куридзе. «Главную роль в данном вопросе играет верное отражение духа эпохи, тенденций, колорита, исторической картины в целом» [5, с. 88]. Тогда как документальность является средством и методом написания художественного произведения. Далее отметим, что проблема соотношения факта и вымысла, документального и художественного начал в историческом произведении по сей день остаётся одной из основных и самых дискутируемых в теории исторического романа.

Использование фиктивной документалистики характерно для классической литературной традиции, проявлявшей себя на протяжении веков. Самая традиционная форма – вставленные в текст художественного произведения письма или дневниковые записи, представляющие собой абсолютный вымысел автора. Одним из примеров в американской литературе является роман родоначальника американской литературы Вашингтона Ирвинга «История Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии» (1809), основанный на рукописи учёного историка Никербокера. Использование приёма фиктивного документа получило также широкое распространение в произведениях исторических романистов США (Г. Видал, Л. Очинкосс, У. Стайрон, Т. Уайлдер, Д. Херси). В американской литературе интерес к документалистике чрезвычайно возрос в 60–70-е гг. XX в. не только благодаря политическим и социальным изменениям в обществе, но и поискам новых форм и средств художественной интерпретации современности при помощи конкретных фактов, документов, изображения реально существующих или существовавших лиц и событий. А.М. Зверев выделяет документализм как пласт художественной культуры XX ст., как явление в полной мере новаторское, обнаружившее не только способность органично усваивать новейшие художественные приёмы, но и его теснейшую привязанность к «катастрофической реальности XX в.», потребовавшей достоверности литературного свидетельства и придавшей «особый драматизм проблеме соотношения факта и вымысла в искусстве». О.М. Тараненко замечает, что документализм дал долговременный эстетический опыт американской литературе. «Эстетика факта решительно входит в современный роман. Включение в него документов, изображение реальных людей и событий в специфически документальной форме становится закономерностью и идейной, и художественной. Она влечёт за собой важные следствия, имеющие отношение к структуре повествования» [7, с. 2].

Действительно, различные воспоминания, дневники, письма – весьма популярная форма исторической прозы, когда писатель использует документ как способ организации художественного повествования. В этом плане выделяют два основных организующих начала – документальное и художественное, где документальное начало представляется, скажем, достаточно объективным, ибо отличается воспроизведением реальных документов и прямо не связано с личностью автора. Постулат об объективности, правда, также можно подвергнуть сомнениям. Сам Видал это делает на страницах романа «1876»: «А что касается писем и дневников, то разве кто-нибудь говорит о себе правду?». Этим же вопросом задавался С. Цвейг, обращаясь в творчестве к исторической фигуре М. Стюарт. Разноречивость её портретов была также обусловлена избытием дошедших сведений. «Но чем добросовестнее изучаешь источники, тем с большей грустью убеждаешься в сомнительности всякого исторического свидетельства вообще (а стало быть изображения)».

Художественное начало литературного произведения сказывается в отборе, активном авторском осмысливании документов, в художественном вымысле, создании образности. Правда, литературоведы зачастую видят негативные черты в чрезмерном увлечении документами, т. к. эта тенденция ограничивает

творческий вымысел романиста, без которого невозможно создать подлинно художественное произведение. Хотя для самих писателей исторические романы отождествляются в первую очередь с историко-документальными произведениями. Когда для писателей главным становится не временные рамки, не объект изображения, а метод видения действительности. «Это очевидное падение престижа вымысла создаёт впечатление, что традиционные формы художественного повествования разрушаются вторжением документа. Наличие же встречного процесса – стилизации под документ «вымышленных» произведений – заставило критику в последнее десятилетие говорить о разрушении границ между художественной прозой и документалистикой, о диффузии жанров» [6, с. 107].

Ещё одной примечательной чертой современной американской историографии, традициям которой в определённых случаях следует и художественная литература, является высокий уровень понимания значимости постановки исторических проблем, равно как стремление к точному и ясному видению их сущности. Таким примером проблемно-ориентированного историописания является критический подход к изучению истории XX в., касающийся исследования проблем, связанных с аномалиями, противоречиями между определёнными фактами и не соответствующими им интерпретациями. Расхождение между принятыми социальными нормами и действительным поведением людей, между мифами и реальностью; вопросы американской исключительности, национальной и расовой идентичности, республиканизма, расовых отношений и т.д. принадлежат к наиболее интригующим аспектам «проблемной истории». Все эти аспекты «проблемной истории» рассматривает Видал в романе «Вице-президент Бэрр». Поэтому у нас есть все основания говорить о том, что исторический дискурс данного американского писателя находится в рамках современных американских традиций историописания, тем более что сегодня «налицо и тенденция к осовремениванию истории и отходу от историзма» [3, с. 57]. Этот фактор, на наш взгляд, в значительной степени усиливает актуальность и значимость романа, и, соответственно, указывает на некоторые особенности творческого метода Гора Видала.

Проблемы «правдивой» истории, «ревизии» прошлого, альтернативных исторических теорий, сохраняющих свою актуальность в американской литературе и культуре вплоть до начала XXI столетия (вспомним, к примеру, новомодный роман Д. Брауна «Код Да Винчи» (The Da Vinci Code, 2003), предлагающий новую версию прочтения событий истории религии), возникают вновь в творчестве Видала и следующем за «Бэрром» романе «1876», который появляется спустя три года как юбилейная версия к двухсотлетию образования Соединённых Штатов.

Источники и литература

1. Видал Г. Вице-президент Бэрр : роман : пер. с англ. / Г. Видал ; [послел. Н. Н. Яковлева]. – М. : Прогресс, 1977. – 528 с.
2. Зверев А. М. «Американская трагедия» и «американская мечта» / А. М. Зверев // Литература США XX века. Опыт типологического исследования : авторская позиция, конфликт, герой / [отв. ред. Я. Н. Засурский]. – М. : Наука, 1978. – С. 134–208.
3. Каммен М. Современная американская историография и «проблемная история» / М. Каммен // Вопр. ист. – 1998. – № 3. – С. 45–60.
4. Комаровская Т. В. Формы мемуарно-автобиографического жанра в историческом романе США XX века / Т. В. Комаровская // Проблемы истории зарубежных литератур : межвуз. сб. : Вып. 4 : «Лирическая проза» в зарубежных литературах : мемуарная и эпистолярная проза / [под ред. В.Е. Балахонова]. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. – С. 161–168.
5. Куридзе А. С. О соотношении художественного вымысла и документальности в историческом романе / А. С. Куридзе // Реалистические формы изображения действительности. – Тбилиси : [б. и.], 1986. – С. 84–88.
6. Латынина А. Право на вымысел и непреложность факта / А. Латынина // Лит. учёба. – 1980. – № 4. – С. 106–114.
7. Тараненко О. М. Документальные тенденции в художественной литературе США 60-х, начала 70-х годов : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. М. Тараненко. – К., 1981. – 28 с.
8. Simon J. Clinging to A. Burr / J. Simon // New Leader. – 1973. – № 56. – P. 10–12.